

Выпуски 70—71

# ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакцію Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

**В. И. Ламанскаго**

и Секретаря Отдѣленія **А. Н. Самойловича.**

Выпуски II—III

Годъ XVIII

1909



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Министерства Путей Сообщенія  
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К<sup>о</sup>), Фонтанка, 117

1909

отъ этой деревни находился источникъ, въ которому женщины отправлялись за водой. При возвращеніи онѣ несли кувшины, одна же изъ нихъ шла впереди безъ кувшина и внимательно осматривала дорогу, чтобы удалить съ нея особыхъ червяковъ<sup>1)</sup>, водящихся въ окрестностяхъ этой деревни. Согласно повѣрью, у той женщины, которая наступала на этого червяка, вода въ кувшинѣ тотчасъ портилась и она должна была возвращаться обратно, чтобы снова наполнить кувшинъ свѣжей водой. Изъ дальнѣйшаго разсказа явствуетъ, что существованіе этого повѣрья было подтверждено очевидцами.

Изъ этого извѣстія мы узнаемъ, что въ прикаспійскихъ провинціяхъ существовали повѣрья о вредоносныхъ силахъ, сходныя съ повѣрьями прочаго населенія Персіи. Арабскіе писатели сообщаютъ намъ персидскія повѣрья о мѣстныхъ животныхъ, напр., о змѣяхъ<sup>2)</sup> и мышахъ<sup>3)</sup>, а также о тѣхъ суевѣрныхъ средствахъ, которыми населеніе старалось оградить себя отъ бѣдствій<sup>4)</sup>. Возможно, что повѣрье о червѣ и его вредоносной силѣ связано съ парсійскими повѣрьями о вредныхъ животныхъ, портящихъ посѣвы и главнымъ истребителемъ которыхъ считалось полезное животное — ежъ<sup>5)</sup>. Поэтому, какъ въ обычаяхъ, такъ и въ повѣрьяхъ, мы можемъ подмѣчать бытовую близость прикаспійскихъ провинцій къ другимъ областямъ Персіи.

*К. А. Иностранцевъ.*

<sup>1)</sup> О диковинныхъ звѣряхъ Дейлема см. кромѣ Макдиси, 368, 1—9 и у Ибн-ал-Факиха, 313, 16—21. О червякахъ въ арабскихъ гаданіяхъ ср. мои Матеріалы изъ арабскихъ источниковъ для культурной исторіи Сасанидской Персіи, Спб., 1907, 3, 15 и 29 (Зап. Вост. Отд. Имп. Русс. Арх. Общ., XVIII, 1908, 115, 15 и 141).

<sup>2)</sup> Ибн-Русте (Bibl. Geogr. Arab., VII), 159, 17—18.

<sup>3)</sup> Ибн-Русте, 161, 6—7.

<sup>4)</sup> Ср. о средствѣ противъ холода у Ибн-ал-Факиха, 267, 5—11 и Ибн-Русте, 159, 18—17.

<sup>5)</sup> Ср. Матеріалы изъ арабскихъ источниковъ и т. д., 93—94 (=205—206).

## Два слова о ковкѣ среднеазиатскаго оружія.

Холодное оружіе Средней Азіи—кривыя пашки (кльч, кльнч, шамшйр) и почти прямыя (шоп, шоб)<sup>1)</sup>, а равно ножи (бичак, пчак, кбрд), по качеству и по выдѣлкѣ стали раздѣляются на три сорта:

Самые дешевыя клинки вырабатываются изъ обыкновенной полосы стали (пулад); лезвіе такихъ клинковъ представляетъ собою обыкновенную сѣро-блестящую поверхность, присмотрѣвшись къ которой можно разсмотрѣть продольныя параллельно идущія полосы. Другой сортъ пулад'а изготовляется изъ подковныхъ гвоздей, бывшихъ въ употребленіи; отъ частой ходьбы лошади, особенно по каменистымъ дорогамъ, желѣзо этихъ гвоздей сбивается и пріобрѣтаетъ особенную вязкость и плотность, поэтому выработанная изъ этого желѣза сталь также отличается подобными качествами. Клинки мечей и ножей, сдѣланные изъ такой стали, при внимательномъ, на свѣтъ, разсмотрѣніи кажутся покрытыми мелкими точками.

Если пулад'ные клинки желали отравить, то поверхность ихъ дѣлали не гладкою и блестящею, а изрытою бороздками. Это для того, чтобы ядъ держался дольше въ мелкихъ рытвинахъ стали. Самый процессъ отравленія клинковъ—весьма сложный и требовалъ отъ мастера не только познаній въ токсикологіи, но и большой опытности и терпѣнія; все это окупалось высокой цѣной, стоявшей на ядоносные клинки.

За пулад'омъ этихъ родовъ слѣдуютъ клинки, выработанные изъ стальной крученой проволоки (байза). Выработка этого рода оружія требуетъ большой опытности и сноровки отъ

<sup>1)</sup> Изрѣдка соп, соб. Это скорѣе большой ятаганъ, длиною съ обыкновенную офицерскую пашку, носившійся заткнутымъ за кушакъ.

мастера, ибо металл долженъ сохранять при окончательной выработкѣ необычайную вязкость и упругость. При окончательной отдѣлкѣ такіе клинки пашекъ и ножей представляютъ красивую блестящую поверхность, покрытую темно-синими, параллельно идущими, змѣеобразными извилинами (байза)<sup>1)</sup>. Такое оружіе послѣ неизбежной полировки еще смазывается чистымъ куриннымъ саломъ<sup>2)</sup>, которому, какъ говорятъ, помимо обыкновеннаго предохраненія отъ ржавчины, одному свойственно поддерживать красоту рисунка проволочныхъ линий на клинкахъ.

Самый высочайшій и дорогой сортъ клинковъ изготовляется (или, вѣрнѣе, изготовлялся, ибо все это нынѣ брошено!) изъ стальныхъ, переплетенныхъ между собою, проволокъ. Рисунокъ этихъ клинковъ, представляющій красиво-переплетенныя между собою кривыя линии, называется особымъ терминомъ гульдари, или панар (то же, что у насъ букетный дамаськъ). Байза и гульдари, или панар называются на мусульманскомъ Востоку также общимъ терминомъ джоухари, или джоухар, и въ европейскихъ словаряхъ персидскаго языка эти слова обычно невѣрно переводятся, какъ блескъ меча.

Чѣмъ мельче узоры проволоки на клинкѣ, тѣмъ выше его достоинство, и на древнихъ, напримѣръ, клинкахъ Персіи, Бухары и Хазема этотъ узоръ напоминаетъ своимъ видомъ какъ-бы муаръ. Клинки особо выдающейся работы украшались близъ гарды насѣчкою червоннаго золота въ видѣ изящной орнаментаціи, или же здѣсь золотомъ высѣвалось имя мастера или какое-либо изреченіе, вродѣ „Поворитель міра“, „Избави Богъ тебя поглядить этотъ клинокъ — ослѣпишь“ и т. п., или, наконецъ, высѣвались стихи, разбрасывавшіеся въ особыхъ виньеткахъ по клинку. На старинныхъ боевыхъ клинкахъ, занесенныхъ изъ шитской Персіи, близъ гарды выгравировывалось „Нѣтъ героя, кромѣ Алія, и нѣтъ меча, кромѣ Зулѣфикара“, или что-нибудь подобное этому.

На позднѣйшихъ же клинкахъ джоухари — крупный, и часто по клинку встрѣчаются расщепы металла, что происходитъ отъ несовершенной и торопливой работы мастера (древніе мастера на ковву одного сабельнаго клинка употребляли мѣсяцы

<sup>1)</sup> Лучшіе клинки ножей байза выдѣлываются въ Гисарѣ и въ кишлакѣ Бодъ-Ревакѣ въ Каратегинѣ (Бухара).

<sup>2)</sup> А нѣкоторые восточные люди, поклонники холоднаго оружія, рекомендуютъ смазывать клинки исключительно фазаньимъ саломъ.

упорнаго труда). Золотая насѣчка, насколько намъ извѣстно, на оружіи, кромѣ Хивы, нынѣ нигдѣ въ Средней Азіи не дѣлается. Да и въ Хивѣ она работается, кажется, только въ видѣ небольшихъ цвѣтковъ, рѣдко разбросанныхъ по клинку.

Оба сорта проволочныхъ клинковъ: байза и гульдари иногда носятъ общее названіе и спаганъ, несомнѣнно, по имени того извѣстнаго города Персіи, гдѣ жили наиболѣе знаменитые оружейники, снабжавшіе своими произведеніями Среднюю Азію и Афганистанъ. До сихъ поръ въ этихъ странахъ произведенія геніальнаго исфаганскаго мастера Асадуллы<sup>1)</sup>, и даже поддѣлки „подъ Асадулла“, цѣнятся весьма высоко.

Къ сожалѣнію, все меньше и меньше среди туземцевъ становится лицъ, понимающихъ толкъ въ мѣстныхъ клинкахъ. Объ оружейникахъ (и притомъ только посредственныхъ) и говорить нечего: во всѣхъ пяти областяхъ Туркестана, а равно въ Бухарѣ и Хивѣ, ихъ можно перечестъ по пальцамъ. Поэтому цѣнное по выработкѣ оружіе или сбывается за гроши, или валяется, за ненадобностью, по угламъ жилищъ, ржавѣетъ и понемногу навсегда утрачиваетъ свою цѣнность. Владѣтели края — русскіе — серьезно совершенно имъ не интересуются, а если что и спасается отъ порчи и гибели, то почти исключительно благодаря вывозу за границу, гдѣ цѣны на эти предметы вообще высоки.

*А. Семеновъ.*

<sup>1)</sup> Жилъ въ царствованіе шаховъ: Тахмаспа и 'Аббаса Великаго. Выдѣлывалъ удивительные по своимъ достоинствамъ и красотѣ дамаска сабельные клинки. На клинкахъ у самой гарды Асадулла золотую насѣчкою выбивалъ свое имя; причемъ, на клинкахъ, дѣлавшихся для шаха, ставилъ обычно такую легенду: 'амал-і-Асадулла. Банді-Шâh-і-валаят Тахмасп (или 'Аббас), т. е. „дѣлалъ Асадулла. Слуга Царя Святости (эпитетъ 'Алія) Тахмасп (или 'Аббас)“. На обычныхъ же клинкахъ Асадулла ставилъ просто: „дѣлалъ Усадулла Исфаганскій. Годъ такой-то“. Клинокъ Асадуллы послѣдняго рода, между прочимъ, находится у начальника конвоя Эмира Бухарскаго, 'Абду-ль-Джалиль-бекъ-бія (работанъ въ 1121 году Хиджры).



**Памяти**  
**А.А СЕМЕНОВА**



Александр Александрович СЕМЕНОВ (1873 — 1958)

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. А.ДОНИША

---

ПАМЯТИ  
АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА СЕМЕНОВА

Сборник статей по истории,  
археологии, этнографии и  
искусству Средней Азии

Издательство "Дониш"  
Душанбе — 1980

А. А. Семенов

НЕКОТОРЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ПЕРСИДСКО-  
ТАДЖИКСКОЙ ЭПИГРАФИКЕ БЫТОВОГО ХАРАКТЕРА  
XV<sup>1</sup> - XX вв.\*

Настоящие материалы представляют в значительной степени итог всего того, что на протяжении долгих лет было мною написано со слов других<sup>1</sup>, прочитано на разных предметах быта, особенно когда в молодости я увлекся коллекционированием предметов так называемой "персидской бронзы", а также извлечено из рукописей, печатных книг и официальных актов<sup>2</sup>. Все это делалось в разное время, в различной обстановке и теперь приводится в какую-то систему, дается в какой-то последовательности, но тем не менее это только сырой материал, даваемый притом не в виде снимков с оригиналов, а лишь в дешифровке оригинальных надписей современным арабским алфавитом. В этом, разумеется, большой минус в настоящих материалах, которые в таком виде, пожалуй, больше представляют интерес для этнографов, чем для специалистов по эпиграфике мусульманского Востока.

---

\* Статья с небольшими сокращениями подготовлена к печати А.М.Мухтаровым и Н.А.Белинской.

<sup>1</sup> Не могу не вспомнить с большой благодарностью просвещенного иранца Али-боли-мирзу "Каджара", весьма образованного человека, который лет 55 тому назад сообщил мне о ряде надписей на мелких предметах персидского быта: на чубуках, гребнях, ложках и солонках. (Написано в 1943 г. - Ред.)

<sup>2</sup> В соответствующих местах в тексте даются ссылки, откуда что взято.

Предварительно мне хотелось бы сказать несколько слов о таджикско-персидском прикладном искусстве.

На длительном пути исторического существования таджикско-персидского народа эстетическая душа мастера все время заставляла его придавать выработываемым им предметам быта не только оригинальность форм, но и своеобразие их внешней отделки. Пусть некоторые буржуазные ученые и исследователи говорят, что персы ничего оригинального в области искусства не создали, но если, по мнению тех же лиц, они все сумели взять, сохранить, ничего не забыв, и соединить свои заимствования в одно целое, связав их так счастливо, что кажется, будто все это их собственность, — то и за это одно они заслуживают признательности.

Отличительной чертой таджикско-персидского искусства является богатство орнаментации, почти болезненная любовь к пышным декорациям, к затейливому убранству даже простой, незначительной вещи — будь то дорогой ковер или дешевый исфганский или ездкий каламкар, тяжелая бронзовая с инкрустацией вещь или мягкий и дешевый медный подносик базарного торговца, или медная же дервишская чашка. Почти все без исключения покрывается то сложным, то простым узором растительного или зооморфного типа или того и другого вместе, но непременно орнаментацией. И если ко всему этому еще добавить любовь к эпиграфике, почти неизбежной при создании затейливого персидского орнамента, то этим завершатся все художественные пути и достижения перса (от квалифицированного артиста до простого ремесленника).

По справедливому замечанию французского историка восточного искусства XIX в., "персидская эпиграфика, как и арабская, всегда была составною частью декоративной композиции. Монументальные памятники, так же как и ткани и оружие, все принесли ей дань; на тех и на других эпиграфика сохраняет свой элегантный стиль, слегка ломкий, слегка надоедливый, где изобилуют преувеличенные округленные лигатуры, но который придает такую прелесть комбинациям цветочного характера"<sup>3</sup>. Если мы добавим к этому, что эпиграфика со-

<sup>3</sup> G a g e t A l. L'Art Persan. Paris, 1895, p. 252.

провождает в Иране и в странах с близкой к персам культурой также орнаментальные украшения металлической, фарфоровой, фаянсовой и глиняной посуды, резных дверей, чубуков и прочих многочисленных предметов домашнего обихода, — то невольно придем к заключению о широчайшем применении ее в художественно-ремесленных достижениях Ирана и Средней Азии.

В процессе исторического развития характер этой декоративной эпиграфики изменился, однако сохранились основные черты сопутствующей растительной и зооморфной орнаментации.

Если обобщать всю исламскую цивилизацию, то придется вместе с русским исследователем заметить, что "для каждой категории предметов в мусульманском искусстве установлен свой круг надписей, подходящих к ним по смыслу. На мечетях помещаются стихи из Корана и хадисов, основной мусульманский символ "аят-ал-курси" (престольный стих), имена первых четырех халифов; дворцы украшаются стихотворениями и изречениями светского содержания; на оружии наносятся изречения из Корана, причем на шлеме одни, на мече другие, на щите третьи и т.д.

Вещи домашнего обихода принято снабжать всевозможными благожеланиями владельцу, причем однородные предметы, смотря по обстоятельствам, могут иметь совершенно различные надписи.

Так, подсвечник для дома будет иметь благие пожелания обладателю, а подсвечник для мечети вместо этого будет содержать благочестивые стихи"<sup>4</sup>.

Однако это определение мусульманской эпиграфики может относиться лишь к памятникам монументальной архитектуры, к бытовым предметам, так сказать, весьма археологического характера, когда арабский язык был в гораздо большем ходу, чем впоследствии.

Свободолюбивый эклектический гений таджика и перса с течением веков не замедлил освободиться из-под ига этой окаменевшей традиции. Если на древних таджикских и персид-

<sup>4</sup> В е с е л о в с к и й Н. И. Гератский бронзовый котелок 559 г.х. хиджры. Спб., 1910, стр. 4.

сих предметах домашнего быта, на чашах, тазах, тарелках и прочих многочисленных вещах мы можем отметить арабскую эпиграфику, обусловленную и свежестью восприятия ислама, и таким широким тогда распространением арабского языка, то уже приблизительно с XV в. н.э. она начинает заменяться на подобных предметах национальной иранской эпиграфикой; арабская же продолжает существовать почти исключительно на монументальных памятниках конфессионального характера и их частях (на мечетях, школах и проч.) и, в редких случаях, на мелких предметах утвари, скопированных со старых образцов.

Персы, как и таджики, не только постарались уложить свою орнаментальную эпиграфику в столь излюбленную ими поэтическую форму, в те или иные стихи, но, — и это самое главное, — они вложили в нее смысл и содержание той вещи, которую украшает эта эпиграфика. И в этом отношении остались верны себе и мастера-артисты, и простые ремесленники.

От Кашгара до Месопотамии и от Сырдарьи до Инда и Персидского залива трудолюбивый иранский эстет-труженик предъявил нам интереснейшие образцы своих работ и в металле, и в камне, и в дереве, и в коже, и в кости, и в роге. Изделия из разных районов отличались лишь орнаментацией, но не характером подписей. Украшение вещей в Средней Азии отличалось большей простотой и отсутствием элементов животного мира и фантастики, тогда как в Персии и в направлении к Индии затейливость растительного мотива весьма часто чередуется с целыми сценами из области живых существ и фантастических чудовищ. При этом техника выполнения такой орнаментации и сопровождающих ее надписей на металлических вещах везде одна — выполнение всего резцом, даже на вещах, литых из сплавного металла (хавт чуш), который известен у нас под именем "восточной бронзы"; окончательная отделка на них украшений и надписей производится также при помощи резца. То же самое следует сказать и о медных вещах "басменной" работы, где рельеф орнаментации производится оттискиванием его на особой болванке (калеб, колыб, колиб — в зависимости от местности) на внутренней поверхности металла.

Остановимся теперь на примерах эпиграфики, бытующей и бытовавшей в Иране и в Средней Азии в разном домашнем хозяйственном, охотничьем и в канцелярском обиходе и до сих пор имеющей применение в ремесленном производстве в тех местах, куда не проникла машина и где есть еще спрос на такие вещи.

На персидских чубуках, дорогие экземпляры которых изготавливаются из самшитового дерева (شمشاد) и покрываются резьбой, обычно вырезывается:

لیت مای کم خواهی خواهی که دلاری عشق شیرینی هوس دارم

Хочешь — не хочешь, я сосу твои губы, потому что в утехах любви моей я страстно желаю сладкого.

На ложках, выделяемых также из самшита или из металла, вырезывалось такое двустишие:

تیشه ها خوردم بسرفوها دوار تا رسیدم در لب شیرین یار

(Много) я восприняла по голове ударов, подобных Фархадовым, пока достигла до сладостных уст друга.

На гребешках из того же дерева или из тута вырезывается такое четверостишие:

در دهر کسی بگلزاری نرسید تا بودش از زمانه خاری نرسید

این خانه که بصد شاخ نشد دستش بسرزلف نگاری نرسید

В мире никто не достиг до (той или другой) розово-шекой,

Без того, чтобы судьба не вонзила ему в сердце шипа. Этот гребень пока не стал с сотнею расщепов (т.е. зубцов).

Не мог достичь локонов красавицы.

На солонках можно встретить такое двустишие:

نگدانی به تنگی چون دل مور تک چندان که در عالم فقد شور

Солонка по (своей) узости подобна сердцу муравья, Соль же, сколько бы ее ни попадало в мир, (всегда солонка).

На довольно массивных серебряных бокалах для вина

исфаганской работы<sup>5</sup>, обычно покрытых чрезвычайно тонкой художественной резьбой и гравированными сценами гедонического характера, выгравировываются следующие стихи Омара Хайяма, окаймляющие медальоны с фигурами:

گویند بهشت حور عین خواهد بود و آنجای ناب و انگین خواهد بود  
گرمای و معشوق پرستیم رو است چون عاقبت کار همین خواهد بود  
Говорят, будет рай с красавицами с глазами газели.  
И там будет чистое вино и мед,  
[Но] если допустимо нам быть почитателями вина и возлюбленной,

То когда-то еще последствия [всех] дел будут такими же?! [То есть раем с красавицами и вином с медом].

این صورت کون جمله نقشی است خیال عارف نبود هر که نداند این حال  
بنشین قدح با ده نبوش و خوش باش فارغ شو ازین نقش و خیالات مجال

Этот образ мира полностью является картиною воображаемой.

[И потому] мудрым не бывает тот, кто не знает одного положения.

Сядь же, пей чашу вина и будь радостен, Освободясь от этой картины (мира) и (ее) пустых химер!

Или тоже из Омара Хайяма такие четверостишия:

این کوزه چون عاشق زاری بود در بند سوزلف نگاری بود  
این دسته که در گرد آن می بینی دستت که در گرد یاری بود

Этот кувшин был, как и-я, стенающий влюбленный, Был привязан к концу локона (моей) красавицы.

Эта ручка, что у шейки кувшина,

Та рука, что была на шее (моей) подруги.

وان پیش که از زمانه تا بجای خوریم با یکدیگر امروز شرابی بخوریم  
کین بیک اجل بگاه فتن ما را چندان ندهد آنکه آبی بخوریم

<sup>5</sup> Они почти все стандартны: высота 19,5 см, диаметр вверху 7,5 см, ширина дна стакана 5 см.

Перед тем как по воле судьбы мы истощим свои силы, Выпьем—ка сегодня друг с другом вина, Потому что завтра имеющий придти за нами вестник смерти

Нисколько не пошатит нас, если бы даже мы пили воду.

Дважды мне пришлось видеть на медных бокалах такое четверостишие Омара Хайяма:

ساقی چو زمانه در شکست من و تست دنیا نه سراچه من و تست  
گرزاند میان من و تو جام می است میدان که حق یقین دست من و تست

Виночерпий, так как время сокрушит меня и тебя,

А этот мир не есть постоянное пребывание для меня и тебя,

То потому, что между мною и тобою есть чаша с вином,

Ты знай наверняка, что истина находится в моих и твоих руках.

На персидских медных курильницах (?) (بخوردان)

с довольно высокими подставками и с наглухо закрывающимися крышками частью басменной, частью резной работы, которые употреблялись, по-видимому, до ХУШ в., по борту иногда выгравировывалось четверостишие:

ایام گل است و کامرانی ساقی بده آب زندگانی  
از عمر نمیتوان شمردن یکدم که بعیش نگذران

Время роз и блаженства!

Подай же, виночерпий, живой воды,

(Ибо) нельзя относить к жизни

(Даже и) одно мгновение, которое ты не проводишь в наслаждении!

Это, вероятно, потому, что курения подавались или ставились в тех или иных собраниях, где в распространяемых ими ароматах больше слышались песни, музыка, фривольные разговоры и смех, лилось вино и падали розы. Нередко курильницы бывали лишены гедонических стихов по борту резервуара и только по наиболее округлой середине последнего оставалась безграмотно сделанная вязью арабская надпись,

несомненно, подражание какому-то далекому образцу, когда в ходу был арабский язык и арабская эпиграфика. На всех виденных мною курильницах она должна была изображать Великий султан и хахан. Причем дальнейшего продолжения имени или титулов не было<sup>6</sup>.

Но мне хочется отметить, что подобные "курильницы", как их определил **Smith** в своем путеводителе по **South Kensington Museum**, имеют глухие без отверстий крышки, и я никак не могу представить, как можно класть в них горящие угли и сыпать на них благовония. Я много раз показывал такие "курильницы" персиянам разных сословий и положений и из разных местностей Персии, и мне никто не мог сказать, для чего предназначались эти чашеподобные, на подножках, вещи. "Видали, - говорили мне, - эти вещи много раз, но не знаем; для чего их делали".

Глубокие, сравнительно низкие чаши, похожие на наши глубокие миски, литые из красной меди и суженные снаружи и изнутри, встречаются разных размеров: одни большие, употребляемые столь часто для хранения съестных припасов вроде масла, яиц, крупы и т.п., и совсем небольшие, вместимостью с пригоршню. Подобные чаши всегда вызывали у меня недоумение: для чего же они в действительности предназначались?

Разрешение этого вопроса случилось лет 50 тому назад. Проходя в Ташкенте по огромному медному ряду, где делали и продавали медную посуду, я остановился подле одной лавки, обратив внимание на очень изящный резной куллах кокандской работы с датой 1267 г.х. (1850-1851 г. н.э.). Я его купил и, свернув в другой ряд, был остановлен продавцом, приглашавшим меня подойти к нему. По виду, по костюму он ничем не отличался от всех прочих обитателей старого Ташкента, но к моему удивлению он заговорил со мною на прекрасном персидском языке. Оказалось, что это был перс из Исфагана, лет 30 тому назад поселившийся в Ташкенте и натурализовавшийся здесь. Он стал мне показывать разные

<sup>6</sup> Есть две таких курильницы в моем собрании. (О дальнейшей судьбе их неизвестно. - Ред.)

"антики", среди которых оказалась и довольно большая медная чаша вышеназванного типа. Я спросил продавца, не знает ли он назначения таких чаш, и сообщил ему о встречающихся мне таких же чашах весьма небольшого размера. Исфаганец сказал мне, что эти чаши предназначались для меняля (саррафов), которые держали в них деньги у себя на прилавках на базаре, что в больших чашах были медные и серебряные деньги, а в малых - золотая монета, что он застал это в молодости у себя в Исфагане. Поскольку содержимое таких чаш - деньги в глазах саррафов требовало покровительства высокочтимых шиитами имамов, то такие чаши украшались широкой каймой арабских надписей, покрывающих всю шейку верхней части таких чаш.

Эти надписи читаются так:

اللهم صل على محمد المصطفى والرفيعي على والبتول فاطمة والسلطانين الحسن  
والحسين وصل على زين العباد على والباقر محمد واصدق جعفر والكاظم موسى  
والرضا على والنقي محمد والنقي على والركي العسكري الحسن وصل على  
صاحب الزمان

О, боже мой! Благослови Мухаммада, избранника, Муртазу Али, непорочную Фатиму и двух султанов, Хасана и Хусейна! Благослови Зайнубидина Али, Бокира Мухаммеда, Содыка Джафара, Козыма Мусу, Ризу Али, Наки Мухаммада, Таки Али и Заки-ал-Аскари-ал-Хасана!

Благослови и Владыку Времен!

В картуше, помещенном в Smyчке этой ленты надписи, обычно выгравировывалось *صاحبه بنده على* "Владелец ее [чаши] - раб Алия". Надпись в картуше, где из трех составлявших ее слов одно персидское, а два арабских, низводит до араба высокочтимого патрона Персии - Алия всякого владельца этой чаши, правоверного шиита, от последнего перса-бедняка до шаха<sup>7</sup>.

<sup>7</sup> Такая чаша прекрасной работы была когда-то подарена мне бывшим генеральным консулом в Кашгаре Н.Ф.Петровским.

Мы видим надписи, подобные этой, на клинках сефевидов XV—XVI вв. Знаменитейший мастер Асадулла Исфаганский тщательно выводит на шахских клинках червонным золотом по струйчатому или букетному дамаску, в узорном картуше, близком в гарде, такую легенду:

عمل اسداله بنده شاه ولايت طرما سب (عباس)

Работа Асадуллы, раба царя святости (т.е. Алия) — Тахмасп (или Аббас)<sup>8</sup>.

Даже не предвзятое, слепое преклонение перед всяким экзотическим предметом производства, но обычное эстетическое чувство, свойственное почти каждому человеку, вызывает восхищение искусством безымянных мастеров. И не столь импонирует форма этих больших и тяжелых чаш, сама по себе оригинальная и благородная, сколько именно художественное исполнение ленты надписи.

На небольших литых из светлой бронзы чашах (بياله), употребляемых едва ли не всеми классами персидского общества для питья воды и моселласа<sup>9</sup>, внешняя гравировка обычно отсутствует. Но внутри эти изящные чаши покрываются разнообразным орнаментом и письменами. Нередко на дне их можно встретить изображение солнца в виде человеческого лица со стилизованными лучами в форме четырехконечной звезды, между концами ее выгравированы четыре сидящих фигуры, из которых некоторые играют на музыкальных инструментах. Это те четыре ангела, назначение которых, по верованию персов, всегда пребывать при солнце, возводить его на горизонт в начале дня и в течение последнего вести его по небу. Вдоль внутреннего борта чашки часто выгравировываются такие стихи Хафиза:

ساقی بنور باره برافروز جام ما مطوب بگو که کار جهان شد یکام ما  
مادره بیاله عکس رخ یار دیره ای بیخیز لذت شوب سلام ما

<sup>8</sup> См.: Семенов А. А. Два слова о ковке среднеазиатского оружия. — В кн.: Живая старина. Вып. 2—3. М., 1909, стр. 1—3 отд. оттиска.

<sup>9</sup> Виноградный сок, на  $\frac{2}{3}$  выпаренный или трижды прокипяченный.

О виночерпий, зажги огнем вина нашу чашу,  
А ты, певец, запой, потому что дела мира стали  
в соответствии с нашими желаниями.  
Мы ведь видим в чаше отражение лица подруги,  
О ты, не имеющий представления о вкусе постоянно  
выпиваемого нами вина!

за которыми идет четверостишие:

ساقی امشب بیج و تا بام میدهد خون دل جای شوبام میدهد  
یوسه میخواهم ز ساقی ببحساب وعده یوم الحساب میدهد

Виночерпий сегодняшней ночью отворачивается от меня [И] вместо вина дает мне кровь сердца. Я хочу без счета целовать виночерпия, А он мне обещает [поцелуй] в День [Страшного суда]<sup>10</sup>.

На вороненой стали старых каламданов (пеналов), обычно покрытых богатой золотой насечкой орнаментального характера, или на лаке папье-маше, нередко украшенном чудеснейшей живописью, можно видеть следующее двустишие:

فلم گفت که من شاه جهانم قلمزن را بدولت میروسانم

Сказало перо: "Я — владыка мира, (Ибо) пишушему доставляю богатство.

Весьма справедливое положение, так как кому не известно, как высоко еще недавно ценился на мусульманском Востоке труд артиста-каллиграфа и как высоко оплачивались его произведения. И в похвалу этой необходимой письменной принадлежности — пенала с тростниковыми перьями и с вставленной в него чернильницей (у знатных лиц особенно тонкой художественной работы) — поэты писали иногда высокопарные стихотворения. Так, например, придворный поэт шейбанида Абдулла хана (1583—1598) — Мушфики, когда-то пользовавшийся большой известностью, написал следующее витиеватое стихотворение в честь ханского каламдана:

<sup>10</sup> Такая чаша небольшого размера имеется в моем собрании. (О дальнейшей судьбе ее неизвестно. — Ред.)

این قلمدان را که گلزار مصور کرده اند  
 کرد هر برگ گلای تحویر ز زر کرده اند  
 در سواد او قلمها ساکنان رهبرند  
 کز بجای سیرتی پای از سوره اند  
 نقشید از ریاحین منقش نام او  
 لاله خسار و گل اندام سمنگر کرده اند  
 حسین رنگ آمیز او را دیده نقاشان چین  
 جامه مزگان بخواب جگر کرده اند  
 هیات نسرین نیایش از طناب سیراوست  
 یا سمنها از نیای سبزه سر کرده اند  
 صد الف بر سینه دار مشفق از تیغ یار  
 این قلمور را بنام آن ستگر کرده اند  
 نقاش گرفته قلم موی ز سنبیل  
 تا ریح نوشته سمن و نشتر و گل

У этого каламдана, на котором изобразили цветник,  
 Вокруг каждого лепестка розы сделали золотом надпись.  
 В начертании ее перья суть путники, идущие за  
 руководителем,

Потому что ради прогулки мысли они выступили в путь.  
 Художники из писанных красками базилик создали имя  
 его (каламдана),

Тюльпана ланит и изящную жасминогрудую фигуру.  
 Видя его красочную красоту, артисты времени (от  
 зависти)

Перо (своих) ресниц увлажнили в кровавых слезах  
 печени.

Орнамент, показывающий дикую розу, — веревка  
 измерения его красоты.

Жасмины подняли головы из середины зелени.

Мушфики от меча Друга<sup>11</sup> имеет на (своей) груди  
 сотню прямых линий [алифов].

[И] этот предмет обладания [пенал] создали во имя  
 того тирана<sup>12</sup>.

Дата

<sup>11</sup> Разумеется Высшая Истина в суфийском смысле,  
 ради которой или во имя которой создано все сущее как мно-  
 гообразное проявление единой вечной красоты — Истины.

<sup>12</sup> Подразумевается красавица.

Художник взял кисть [сделанную] из волос красавицы  
 [мед из гиацинта]

И написал время [работы над пеналом в словах]  
 жасмин, шиповник и роза<sup>13</sup>.

Числовое значение последнего выражения (سمن و نشتر و گل)  
 дает 972 г. хиджры, т.е. 1564–1565 гг. христианского ле-  
 тоисчисления. Следовательно, пенал был изготовлен для Аб-  
 дулла хана в то время, когда он был сопровителем своего  
 отца Искандер-хана (968–991/1560–1583). Пенал, по всей  
 видимости, был сделан из папье-маше и расписан по лаку ху-  
 дожником-артистом.

В Средней Азии до самого предреволюционного време-  
 ни существовали охотничьи барабаны (табль), использовавши-  
 еся во время охоты за птицами. У обычных рядовых охотни-  
 ков они бывали в форме небольших глиняных втулок в виде  
 усеченного конуса. На основание барабана вершков пять в  
 диаметре натягивался пузырь, который жилами прикреплялся  
 к противоположному концу; жилы образовывали плотную сетку  
 на глиняной поверхности тела барабана. Петлей из жил на  
 одной из сторон барабан крепился к седельной луке. Пара та-  
 ких барабанов помещалась перед всадником по обе стороны  
 от седла. Охотник выезжал в прибрежные камыши или степ-  
 ные травянистые заросли и, выбивая на барабанах палочками  
 дробь, выпугивал птиц, на которых тут же спускались ловчие  
 птицы (соколы, ястреба и проч.). Нередко пользовались од-  
 ним барабаном, но побольше, который прикреплялся справа от  
 седельной луки.

У знатных лиц тело барабана обычно было медное или  
 вороненой стали. Пузырь или чаще темная, очень хорошо вы-  
 деланная козья кожа натягивалась на барабан и закреплялась  
 у шейки конуса. Металлическая часть барабана покрывалась  
 резным узором. Надписей мне не приходилось видеть, но они,  
 несомненно, были. Тот же придворный поэт Абдулла хана  
 Мушфики написал газель для охотничьего барабана своего по-

<sup>13</sup> Это взято из превосходной, принадлежащей мне ру-  
 кописи "Собрание стихотворений Мушфики", датированной 992  
 г.х. (1584), т.е. прижизненной поэту, л. 87 а-б.

велителя, который приказал воспроизвести ее по краю барабана золотой насечкой. Вот эта газель:

بست طبل باز زر چون آن شه عالیجناب      بوقک گوید کجا کردند ماه و آفتاب  
 شاه صیدالکلی مظفر آنکه در روز شکار      باز او هر گوشه صیدی افکند همچون عقاب  
 زهروه رنگ زر شود از بهر نازش چون نهید      بهیو خورشید از منو بای دولت در رخسار  
 از صدای طبل بارش خیل مورغان فلک      خاسته از جا چون مرغابین از روی آب  
 باز او را نام شد شهباز بهر آنکه یافت      خرقی از دست سوس پادشاه کامیاب  
 مشفق صید محبت شد غم فروخته را      هوشی چون باز دارد دیده بیدار خواب

Когда тот высокоставный государь позолотил соколиный барабан,

То как будто в небе (соединили) в одном знаке зодиака луну и солнце.

Победоносен шах-охотник, тот, у которого в день охоты

Сокол его всюду поражает дичь, как орел.

От блеска его огня золотится планета Венера, когда он влагает,

Как солнце, эта молодая луна, ногу власти в стремя.

От звука барабана его сокол стаи небесных птиц

Поднял с места, как уток с поверхности воды.

Сокол его именовался "Царственным Соколом",

Потому что он снискал погружение в целование руки государя - бадовня судьбы.

Мушфики стал добычей расположения у счастливого шаха.

Каждую ночь он, как сокол, не смыкает бодрствующих от сна очей<sup>14</sup>.

На двух типах каменных изделий, производившихся в двух пунктах восточно-мусульманского мира - в Мешхеде, в Хорасане, в Нур-Ата и в Бухаре были свои орнаменты, свои виды посуды и свои отличительные признаки: мешхедские

<sup>14</sup> Взято из той же рукописи "Собрание стихотворений Мушфики", л. 87а.

изделия никогда не покрывались какими-либо именами, тогда как нуратинские имели их. Мешхедские кувшины, блюда, чернильницы и т.п. изготовлялись из особого рода шифера - так называемого глинистого сланца и отличались очень совершенной формой; по окрашенной в черный цвет поверхности предмета вырезался орнамент, иногда зооморфного характера, нередко типичный своими "сасанидскими" мотивами, который не только красиво выделялся своими серыми шиферными линиями, но и весьма гармонировал с нею.

В Нур-Ата, бывшем бухарском бекстве, расположенном к северо-востоку от Кермине, выделялись большие и малые блюда из черного, серого и белого мрамора, добывавшегося из местных каменоломен. По уверениям бухарцев, шов, подававшийся на таких блюдах, бывал особенно вкусен. Самый ходовой размер таких блюд - 40 см в диаметре. Блюда бывали украшены внутри большим количеством надписей вокруг орнаментированного дна, вроде следующих:

تبرک این طباق سنگ مرمر      چو بهتر از طباق کا شجر  
 تبرک بودنش از بهر آنست      که اصل کانش از دربار حیدر  
 با خلاصش خورد کس درین آش      بده رزق کثیرای بنده پرور  
 الهی حرمت سلطان متعراج      حساب ما ملایم در بوم محشر  
 الهی حضرت سلطان ما را      نگونارش ز آفتابای این دهر  
 الهی تا ابد باد بحالم      شه عادل بملک ما و اءالنهر

Благословение сему мраморному блюду,

Ибо оно лучше, чем кашгарское блюдо.

Благословение лежит на нем потому,

Что происхождение ломкого его [мрамора] из резиденции Льва [Аллаха, Алия].

Всякому вкушающему из него пищу с искренностью к нему [Алию]

Подай в изобилии пропитание ты, питающий преданностью [своих] рабов!

О боже, во имя покровительства султана восходившего [на небо, т.е. Мухаммеда]

Не исчисляй [грехов наших] в день Страшного суда!  
 О боже, его величество, нашего государя,  
 Сохрани от [всех] несчастий сего века.  
 О боже, да будет вечно в мире [существовать]  
 Справедливый царь Мавераннахра! 1333 [1914-1915].

Известная шиитская тенденция, проглядывающая в этих стихах, отнюдь не указывает на то, что мастер этого блюда был шиит. Если местное духовенство не было терпимо настроено ко всему шиитскому и не перевозносило патрона шиитского Ирана Алиа, то широким народным массам Средней Азии было свойственно преклонение перед Алием и всем, что связывалось с ним; достаточно хотя бы указать на то, что, по поверию местного оседлого населения, особенно женщин, троекратное призывание Алиа (یا علی یا علی یا علی) обладает 14 тысячами чудотворных свойств, предохраняющих каждого мусульманина от всяких житейских бед и несчастий<sup>15</sup>.

В этом, впрочем, нет ничего удивительного, так как местный дервишский орден кубравийя был пронизан крайними шиитскими воззрениями и истоки проникновения и укрепления здесь в массах таких воззрений, по-видимому, относятся к очень отдаленным временам ислама.

Было бы нецелесообразно не сказать несколько слов об эпиграфике дервишских кашкулей. В областях Средней Азии, лежащих за Амударьей, посуда для сбора подаваний обычно делалась из тыквы-травянки (кавак) в форме кувшинов с отъемной крышкой, подвешивавшихся сбоку на ремнях. Красивая желтая поверхность этих кашкулей не покрывалась никакими надписями (я, по крайней мере, никогда не видел из этого исключений). Реже кашкули изготовлялись из дерева в форме открытой ладьи, которую носили спереди, на груди, на ремне, перекинутом через шею; надписи на них отсутствовали.

В противоположность среднеазиатским кашкули дервишской разных орденов Афганистана и Хорасана покрывались

<sup>15</sup> См.: Б е л я е в И. Заметка о кашкуле. - Протоколы и сообщ. членов Турк. кружка любителей археологии. Год XI. Ташкент, 1906, стр. 50-53.

всегда надписями и часто украшались чудесной орнаментацией. Все они были однообразной формы, что зависело от того натурального материала, из которого они изготовлялись. Я совершенно не знаю, что это за материал, с очень твердой, черной блестящей внешней поверхностью и с волокнистой внутренней; он очень походил формой на сычуг или желудок овцы, внизу лодкообразный, вверху плоский, с широким отверстием с одной стороны. На мои расспросы кабульские, кандагарские и хорасанские дервиши отвечали, что это продукт Индийского океана, выбрасываемый порою волнами на берега, что это суть выброшенные в воду внутренности того небесного барана, который был принесен Авраамом в жертву богу вместо его сына Исаака от Сарры. Совершенно то же самое мне пришлось слышать и в Бухаре по поводу такого кашкуля. По борту таких кашкулей иногда вырезывалась лента очень тонко исполненного орнамента или лента надписей, а на верхней плоскости - сцены из известной истории шейха из Санаана, включенной знаменитым персидским мистическим поэтом XII-XIII в. Аттаром в его поэму "Беседы птиц" (Мантык ут-Тайр): в верхнем этаже дома на балконе стоит девушка, а внизу почтенный с длинной бородой шейх, за ним ряд его учеников.

Сделанная вязью надпись гласит:

از قضا ابورعالی منظری  
 بر سر منظر نشسته دختوی  
 در ره روح اللہ صد معرفت  
 دختوتوسا و روحانی صفت  
 بر سپهر حسن و در بروج کمال  
 آفتابی بود اما بی زوال

По воле судьбы был (перед ними) один высокий балкон,  
 А на нем сидела одна девушка,  
 Девушка-христианка, (одаренная) духовными качествами.  
 На пути к ее Божьему Духу (т.е. к Христу) лежит  
 сотня мистических познаний  
 На небе красива и в знаке зодиака совершенство,  
 Она была беззакатным солнцем.

Иногда вместо этого сюжета на кашкуле в большом картуше вырезывалось изображение шейха Санаана, несущего на плече свинью с поросятами, а вдали были видны пораженные этой сценой его многочисленные ученики. Под изображе-

нием бывало вырезано (обычно превосходной вязью):

منیخ از فضا جانان سرتافت کالکه سرتابد زجانا سرتافت  
رفت پیرکعبه پیرکعبار . خوکبانی کورسالی اختیار

Шейх не отвратился от красавицы,  
Потому что кто отворачивается от красавицы,  
не становится ли (ее) слушником?  
И вот отправился пир, (эта) Кааба великих шейхов,  
И предпочел целый год пасти сыней.

Таким образом, выгравированные рисунки и надписи должны были наглядно поучать людей, сколь велики соблазны на мистическом пути и как низко может пасть дервиш, не совладавший со своими страстями.

Подобные кашкули бывали и без иллюстраций и имели одну лишь надпись вроде следующей, помещенной внизу, как это было выгравировано на превосходном, отделанном бирюзою кашкуле в коллекции покойного И.Т.Пославского:

هر ویش بی وفائی جریغ منال بری اوره مجوی ارچه وی  
خوش باش که بگذری اگر درویشی برکشتی از کشکول دریای ملال  
عمل حاجی محمد حسین

Дервиш, не плачь о вероломстве неба,  
Не следуй в пути за ним, хотя бы оно и (казалось)  
доброжелательным<sup>16</sup>.  
Да будет тебе благо, если ты (истинный) дервиш  
и переплывешь  
На корабле кашкуля море (житейских) огорчений.  
Работа Ходжи Мухаммад-Хусейна.

Для пояснения смысла этой надписи следует заметить, что ладьеобразный кашкуль дервишей символически означал ту ладью, то судно, освобожденное от плотских страстей, на котором мистик только и мог переплыть через греховное море этого нематериального мира.

<sup>16</sup> Читаю совершенно предположительно, ибо эта строка сделана весьма запутанной вязью.

На кожаной папке-портфеле (جرؤگیو), обычном спутнике всех мирз, поэтов и прочих "людей пера", холодным способом оттискивались такие, например, суфийские стихи (по-скольку почти вся поэзия и даже эпистолярная проза были пропитаны суфийскими воззрениями):

روی تو که مهری زوال آمده است آئینه و حسن لایزال آمده است  
بر جا که ز غلین تو مانده است نفا محراب سجود اهل حال آمده است

سحرم هات میخانه بدو لتخواهی گفت باز آی درینیه این درگاهای  
هجوم جرمه درکش که ز سر ملکوت بر تو جام جهان بین و مدت آگاهی

Твое лицо появилось, как беззакатное солнце;  
Появилось зеркало вечно существующей красоты.  
Всюду, где от обуви твоей остается след,  
Он является святилищем поклонения мистиков.  
Меня на утренней заре голос из кабачка доброжелательно позвал:

"Вернись, как и прежде, в этот покой!  
Подобно Джамшиду выпей остатки вина,  
Которое (уготовано) от начала небесных миров.  
Взгляни на луч чаши, (показывающей) мир  
И ты на продолжительное время (будешь обо всем) осведомлен<sup>17</sup>.

Кожаные украшенные тиснением и росписью переплет-  
ты<sup>18</sup> нередко имели такого рода четверостишие, выполненное  
путем штампа на каждой крышке и затем иногда подрисован-  
ное:

خوشتر کتاب در جهان یاری نیست در محکمه زمانه غمخواری نیست  
هر لحظه از نگونه تنهایی صدمت است و هرگز آزاری نیست

<sup>17</sup> На папке из моего собрания.

<sup>18</sup> Вроде имеющегося у меня старого кабульского переплета на "Месневи" Джелол-уд-Дин-и-Руми"-я в списке 9.14-9.15/1508-1510.

Нет в мире лучшего друга, чем книга.

В горестной хранилище мира нет (кроме нее) утешителя.  
В углу уединения (от мирской суеты) у нее всегда  
Есть сотни (средств) успокоения и никогда не бывает  
(от нее) ни одного огорчения.

Это же самое стихотворение, определяющее, так сказать, смысл и значение книги в жизни и психике человечества, иногда вписывалось в картушах первых двух страниц роскошных рукописей, обычно отделявавшихся изяшно и тонко золотом и красками, как это мы видим, например, в художественном "Бустане" Саади, исполненном известным гератским каллиграфом-артистом XV-XVI вв. Султан Мухаммед Ханданом, современником Бехзода<sup>19</sup>.

Необходимая и существенная принадлежность каждого делового мужчины на Востоке — печать также имела свои письмена.

Так как мусульманский Восток не знал употребления печатей-гемм с портретами их владельцев или с изображениями божеств-покровителей, как это имело место в доисламскую эпоху, то вся художественная потенция мусульманских гравиров сосредоточилась на чрезвычайно тонком искусстве — затейливо и художественно уложить на печати вязь арабских письмен.

Мусульманская сфрагистика дает нам довольно разнообразный материал, из которого изготовлялись печати: золото, серебро, изумруд и наиболее распространенный — сердолик. Надписи на них можно разбить на две категории: обычные, с именем, отчеством и должностью или родом занятий владельца печати (их мы не будем касаться), и необычные, так сказать, экстраординарного характера, печати владетельных и знатных лиц, прикладывавшиеся к докумен-

<sup>19</sup> Эта рукопись находится в библиотеке "Турай" в старом Ташкенте. Подробно о ней см. в моей статье "Рукопись "Бустан" шейха Са'ди, работа гератского мастера начала XV в. Султан Мухаммед Хандана". Приложение к протоколу УП заседания ОИФ Российской АН от 15 апреля 1925 г. — Иран, т. XI. Л., стр. 973-978.

там особой важности и соответствовавшие в известной степени термину Московской Руси "большая царская печать".

Особняком стоят перстни с теми или иными изречениями или формулами, выражающими настроение их владельцев. Такие перстни, по-видимому, древнего происхождения, и персидская легенда связывает ношение подобного перстня с именем сасанида Ануширвана Справедливого (531-579), на перстне которого будто бы было выгравировано такое трехстишие:

راه بسیار تاریک است مواجہ بنیش عمر دوباره نیست مواجہ خورشید  
مرگ در پی است مواجہ رامش

Темен путь, что я могу увидеть?

Жизнь не бывает дважды, какое у меня может быть желание?

Смерть стоит (у меня) за спиной, разве я могу веселиться<sup>20</sup>.

С этой надписью как бы перекликается выгравированное на шляпке огромного золотого перстня, украшенного голубою и красною эмалью, бывшего в роде ханов номудских и происходившего, по семейным преданиям, из Исфагана XV в., следующее арабское выражение:

ييجرى الدين احسن بالحسن

Пройдут и те, которые отличаются красотой.

Сентенции, подобные этим, обычно вырезывались на перстнях прямо, а не в обратном порядке, потому что такие перстни не служили печатями, а также не были и талисманами, а являлись нерушимыми вещественными знаками неизбежного *emento mori* или вечных руководящих истин. Тем не менее Ирану позднего мусульманского периода не были чужды и печати с пышно-вычурными стихотворными выражениями. Особенно это относится к шахским печатям. Так, например, на печати Мухаммад-шаха Каджара (1250-1264/1834-1840) было выгравировано в верхней строке: **الله**

<sup>20</sup> Гаффаров Л. Персидско-русский словарь. Под ред. академика Ф.Е. Корша. Т. 1. М., 1914, стр. 370.

Власть принадлежит Аллаху!  
а в следующих двух строках прекрасною вязью такое двусти-  
шие:

شکوه ملک و ملت رونق آیین و دین آمد محمد شاهی صاحب تاج و گلین آمد

Явилось величие государства и нации, (появился)  
блеск закона и веры;  
Пришел Мухаммад-шах-победитель, обладатель короны  
и перстня!<sup>21</sup>

На печати его сына и преемника Насируддин-шаха  
(1264-1314/1848-1890) было выгравировано двустишие:

تا که دست نامور این خاتم شاهی گرفت صیبت داد و معدلت از راه تاجی گرفت

С тех пор как Насируддин овладел шахскою печатью,  
Молва о [его] справедливости и правосудии пронеслась  
из конца в конец вселенной  
(букв. от луны до рыбы, на которой стоит земля).

На печати сына и преемника Насируддина Музаффаруд-  
дин-шаха (1314-1324/1896-1906) было вырезано такое  
двустишие, размещенное в семи строках: **الله الله**

دید که کب فتح و ظفر بعون الله گرفت خاتم شاهی مظفر الدین شاه

Власть принадлежит Аллаху!  
Взошла звезда победы и одоления с помощью Аллаха  
Взял шахскую печать Музаффаруддин-шах  
1314/1896 г.<sup>22</sup>

Несколько иной формы были печати афганских шахов и  
эмиров. Печати каджаров по форме были простые четыреху-  
гольные с верхушкой в виде конусообразной тиары, печать же,

<sup>21</sup> Chodzio A. Gramma Persane.  
Paris, 1852, p.191, pl.1.

<sup>22</sup> Сообщением этих двух надписей я обязан любезно-  
сти моего наставника, лектора персидского языка в специаль-  
ных классах Лазаревского института восточных языков Мир-  
зы Джафар-хана.

например, основателя Афганского государства Ахмад-шаха  
(1160-1187/1747-1773) имела форму округлого стили-  
зованного павлина с удлиненной шейкой, на ней было выгра-  
вировано по-арабски:

الحکم لله یاقناع

Приказание принадлежит Аллаху. О, отверзающий  
[двери] успеха.

и по-персидски:

احمد شاه در درانی

Ахмад-шах, жемчужина Дурронийская.

В последних двух словах заключается и известная пле-  
менная гордость, и своего рода игра слов (дурр – жемчужи-  
на и Дуррони как бы производное от него – название афган-  
ского племени, из которого происходил Ахмад-шах).

На печати сына и преемника Ахмад-шаха Тимур-шаха  
(1187-1207/1773-1793) было вырезано такое персидское  
двустишие:

علم شد از عنایات الهی بعالم دولت تیمور شاهی

Благодаря божественным милостям стало знаменем  
В мире Тимуршахское государство.

На печати сына и преемника "великого эмира" Мухам-  
мада Шер-Али-хана (1280-1296/1863-1879), столь неос-  
мотрительно доверившегося царской России, было выграви-  
ровано такое персидское двустишие:

جمال دولت پاینده قسمت الهی وصی دوست محمد میر شیر علیست

Украшение вечно существующего государства по  
божественному предопределению

Есть исполнитель воли Дуст-Мухаммада эмир Шер-Али.

Таким образом, надписи на печатях владельцев Афгани-  
стана и Персии отличает известный налет лирики и стремле-  
ние в художественном слове передать самое существо царской  
печати, имя и звание ее владельца.

Совсем другого рода надписи были на печатях офици-  
альных лиц Средней Азии. Здесь сказалась вся строгость ко-  
ранского...<sup>23</sup> [изымающего] из сознания даже лучших пред-

<sup>23</sup> Далее текст неразборчив ввиду плохой сохранности  
рукописи автора. – Ред.

ставителей этого общества все, что окрыляет дух человечества, унося его в область иных, более высоких устремлений, чем узкие религиозные горизонты. Примером может служить большая государственная печать мангытов, на которой вокруг имени царствовавшего эмира (например, *سید امیر مظفر بن سید امیر نورالله* "Сейид Эмир Музаффар бен-Сейид Эмир Насрулло") было вырезано:

امارت خلافت خدای تعالی است بر سبیل عدل برادر اگر  
زعول خالی بود خلافت ابدین علیه اللعنه است

Эмирское достоинство есть заместительство всевышнего господя;  
Оно бывает [осуществляемо] путем оказания правосудия,  
Если же оно бывает лишено справедливости, то является наместничеством дьявола,  
Да будет он проклят!<sup>24</sup>

На небольшой печати, скажем, верховного судьи столицы Афганистана эпохи вышеупомянутого шаха Махмуда было выгравировано двустипше:

محمد سعید از فضل حق مشهور شد قاضی القضاة شاه محمود شد

Мухаммед Саъид по милости [высшей] истины стал лично виденным [государем]:  
Он сделал верховным судьей шаха Махмуда<sup>25</sup>.

В Бухаре даже лица рангом ниже верховного судьи имели огромную печать, на которой кроме имени и звания ее владельца неизбежно вырезывались и руководящие или назидательные сентенции в духе строго суннитского правосерия, весьма далекие от какой бы то ни было лирики и

<sup>24</sup> См.: Семенов А. А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. — Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, вып. 2. "Тр. АН ТаджССР", т. 25, 1954, стр. 75.

<sup>25</sup> См.: *سراج التواریخ* Мухаммад-Катиба. Т. 1. Кабул, 1331, стр. 62.

поэзии вообще. Так, например, на печати алама столицы начала XX в. имелась такая надпись:

в центральной части: *العبد الضعیف ملا امام الدین صدرا علم نجاری شریف  
بن ملا میر محمد المتوکل علی الله الواحد ۱۳۲۴*

Слабый раб мулла Имадуддин-сад, алам благородный Бухары, сын муллы Мир Мухаммада, уповающий на Аллаха единственного, 1329/1911 гг.,

а вокруг этого выгравирована арабская надпись, перемежающаяся восклицаниями в адрес Аллаха:

اللهم اهدنی الی سبیل الرشاد (یا معز) امن فضل ربی (یا هادی) و  
اعطنی العصمة والسداد (یا حی) (یا قیوم)

О, боже, веди меня путем правым (О, подкрепляющий!)  
И не есть ли это из милостей моего господя?  
О, направляющий на путь правый! Даруй мне непорочность и справедливость!  
(О, бессмертный!) (О, присносуший!)<sup>26</sup>

Заканчивая этот поверхностный обзор персидско-таджикской эпиграфики последних четырех столетий (эта тема, насколько нам известно, никем специально не разрабатывалась), мы должны заметить, что поскольку все мелкие предметы бытового назначения выходили из рук специалистов-мастеров, обслуживавших широкие массы, то искусство резьбы по металлу и камню, тиснения по коже, разрисовки папье-маше и прочее следует причислить к прикладному народному искусству, каковое уходит своими корнями в глубь веков.

Но в этом случае перед нами встают вопросы весьма важные и трудно пока разрешимые. Если в облике этой бытовой эпиграфики Ирана, Средней Азии и Афганистана, что бы ни говорили, пронизанных некоей единой цивилизацией, мы можем найти много общего и родственного, если в этой эпиграфике мы находим нечто стабильное, что-то остановившееся

<sup>26</sup> См.: Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени, стр. 75.

и как бы навсегда в себе замкнувшееся, — то что это такое?

Не есть ли это нечто, дошедшее от мудрой старины, от тех древних культур Азии, истоки и пути развития которых нам пока неизвестны? Не заключились ли старые идеи и древние мысленные образы в новые словесные формы, и, преобразованные в них, не стали ли они обслуживать новые народные массы, как обслуживали когда-то через такие же предметы быта представителей исчезнувших цивилизаций?

Почему народы Средней Азии, Ирана и Афганистана украшали предметы домашнего обихода письменами, едва ли не всегда определяющими в поэтической форме смысл и назначение данных вещей? Есть ли это тоже наследие далекой древности, тех цивилизаций, которые уже в глубине веков приобщились к письменности, к письменным литературным памятникам, или это результаты сложившейся лишь за последние пять столетий народной художественной традиции?

И наконец, не есть ли эта эпитафия отражение того специфического начала, над которым реет дух древнего творчества, именуемый современными персами иранским духом (امر نیت), или же это один из видов синкретизма в народном искусстве, как, пожалуй, назвали бы это явление европейские искусствоведы? Ведь искусство каждого народа, слагаемое из всей совокупности его национальных особенностей, в своем росте и развитии неизбежно подвергается влиянию окружающих его культур и цивилизаций<sup>27</sup>.

При решении подобных вопросов, как и в некоторых эпохах чистого искусства, в области бытовой эпитафии разграничение артистического от ремесленного составляет одну из главных трудностей для исследователя. И пока не произведен необходимый отбор в этой области, пока не прослежены с большей или меньшей точностью датировки эпитафических памятников подобного рода до возможно отдаленных времен, пока не будут установлены старейшие формулы такой эпитафии или время жизни их авторов (если это отрывки из стихотворных произведений), — до тех пор мы не будем знать истоков, школ и, пожалуй, в некоторых случаях

мест производства тех или других предметов быта, покрытых письменами, выражающими, как упомянуто, смысл вещей самих в себе. Для этого необходимо пересмотреть, разобрать и определить возможно наибольшее число подобных предметов, и только тогда традиция народного искусства Средней Азии, Ирана и Афганистана, пережившая как чуждые формы ахеменидской и парфянской цивилизаций, так и великую сасанидскую традицию с сопутствующими ей иными влияниями, — встанет перед нами во всей полноте, как по-своему переработавшая и переплавившая наследие прежних эпох и былых культур даже в такой сравнительно узкой области, как бытовая эпитафия.

<sup>27</sup> Грабарь И. История русского искусства. Введение. Т. 1. М., 1953, стр. 1.